

Цинь Сун почувствовал легкое волнение и огляделся вокруг. Поскольку время обеда еще не наступило, посетителей в ресторане было мало, и он спокойно запел:

— Каждый раз, проходя мимо этого западного ресторана, я не могу сдержать радости в сердце. Мне так нравится здесь, есть и смотреть в твои большие глаза. О, стейк, о, десерт, какая счастливая жизнь...

Выпив бокал красного вина, Бай Цзиньинь почувствовал, как на его лице появился легкий румянец, а в голове закружилось. Услышав, как Цинь Сун начал петь, он подумал, что это, вероятно, тостовая песня.

Не отвечать на любезность было бы невежливо, поэтому Бай Цзиньинь налил себе полный бокал вина, поднял его двумя руками и с энтузиазмом ответил:

— Ты — самое красивое облако на моем небе, наполняю бокал вином, чтобы ты осталась...
Останься!

Цинь Сун промолчал.

Неужели И Хуэй переродился в какого-то дурака?

Официант, несущий стейк, услышав, как Бай Цзиньинь с колебаниями души исполняет самую модную народную песню, едва не бросил поднос, чтобы пуститься в пляс. Он с трудом сдержал желание раскачиваться, но не смог удержать свою душу, и, ставя стейк перед ними, невольно напевал:

— Йо-йо-йо, я знаю...

Цинь Сун промолчал.

Ножи и вилки блестели по бокам салфетки. Бай Цзиньинь, не обнаружив палочек для еды, последовал примеру Цинь Суна, но перепутал руки, взяв нож в левую руку, а вилку — в правую. Откусив кусочек сочного и ароматного мяса, он невольно сравнил его с тушеной говядиной с картошкой, которую готовила Бай Жулянь, и похвалил:

— Говядина тушеная хороша, но жаль, что нет картошки.

Цинь Сун промолчал.

Как говорила Ван Шэннань, И Хуэй и Бай Цзиньинь не имели ничего общего.

Но почему же он спел те самые строчки, которые принадлежали только ему и И Хуэю?

Цинь Сун задумался на мгновение, стараясь задать вопрос как можно более непринужденно:

— Ты раньше слышал эту песню?

Бай Цзиньинь покачал головой и честно ответил:

— Нет.

Цинь Сун продолжил зондировать:

— У меня есть друг по имени И Хуэй, который очень любил здесь обедать, поэтому специально

написал эту песню. Он всегда напевал ее, но, к сожалению, его больше нет, иначе я бы вас познакомил.

— Эх, жаль, — спокойно ответил Бай Цзиньинь, а затем добавил:

— Примите мои соболезнования.

— Я часто думаю, что, возможно, у людей действительно есть душа, и, может быть, однажды он тихо вернется, — Цинь Сун прищурился и с улыбкой посмотрел на Бай Цзиньиня. — Ты веришь, что после смерти люди попадают в рай?

Бай Цзиньинь не знал, есть ли рай, но Мир Нежити точно существует. Там бесчисленные скелеты и зомби приходят из разных миров, и, поскольку у них нет сознания, трудно сказать, сколько из них, как и он, прибыли с Земли.

— Возможно, они попадают в Мир Нежити и превращаются в скелетов и зомби, — уклончиво ответил Бай Цзиньинь, не желая продолжать эту тему, и указал на небо за окном. — Сегодня погода неплохая.

Во время их первой встречи в баре, из-за молчаливости Бай Цзиньиня, атмосфера была странной, как будто два монаха сидели друг напротив друга, погруженные в размышления о буддизме. Но сегодня все было иначе. Он использовал все свои навыки общения, такие как «Ты хорошо выглядишь» или «Как работа?», один за другим.

Но как только Цинь Сун пытался направить разговор в интересующее его русло, Бай Цзиньинь возвращался к своей привычной манере — кивать «да» или качать головой «нет».

За время обеда Цинь Сун чувствовал себя как в детективном фильме.

Бай Цзиньинь устал, как будто только что командовал своими подчиненными в битве с врагом. Вопросы Цинь Суна, казавшиеся случайными, вызывали у него настороженность, но, как и с Бай Жулянь, он не чувствовал злого умысла. Иногда в его сердце даже мелькало мимолетное ощущение знакомости.

Летняя ночь медленно спускалась, и на горизонте переливались закатные краски и яркие неоновые огни. Наступал еще один жаркий вечер.

Бай Цзиньинь доел декоративный цветок из редьки на тарелке, убедился, что она пуста, и взял сумку:

— Спасибо за угощение. У меня дома дела, так что я пойду.

Цинь Сун выглядел подавленным. Фантазии остались фантазиями. И Хуэй давно превратился в горсть праха. В этом мире нет никакого перерождения.

Он больше ничего не сказал, опустил голову и вышел за Бай Цзиньинем.

Кафе «Южный переулочек» соответствовало своему названию — у входа не было проезда. Они прошли по старому узкому переулочку, и впереди внезапно открылся шумный поток машин, словно началась новая глава истории. До самого конца невозможно узнать, каким будет настоящий финал.

На углу переулочка, где он пересекался с дорогой, стояла седовласая слепая старушка,

толкая тележку с кастрюлей горячих чайных яиц.

Бай Цзиньинь вдруг остановился, взглянул на картонку с надписью «1 юань за штуку» и тихо подошел:

— Я возьму два.

— Ты давно не приходил, наверное, был в командировке? — старушка взяла деньги и, смотря в сторону Бай Цзиньиня своими белесыми глазами, улыбнулась, покрываясь морщинами. Ее губы дрогнули, и она вдруг запела:

— Чайные яйца, я люблю их, молодцы едят и становятся сильными, девушки едят и расцветают, старики едят и становятся бессмертными, дети едят и получают пятерки...

Цинь Сун вздрогнул. Он с недоверием посмотрел на старушку, словно увидел божество. Эта песня была написана И Хуэем, который мог найти вдохновение даже в расстройстве желудка. Она называлась «Волшебное чайное яйцо».

В этот момент река времени замерзла на тысячи миль. Цинь Сун превратился в ледяную статую, неспособную говорить или двигаться. Слова слепой старушки, как весенний гром, едва не остановили его мертвое сердце.

Вся сцена перед глазами словно замедлилась, а затем, казалось, прошло много времени.

Цинь Сун смотрел, как Бай Цзиньинь взял два чайных яйца, помахал рукой и сказал «до свидания», пока его фигура не растворилась в толпе. Только тогда он поднял руку, словно хотел что-то схватить, но перед ним горели уличные фонари, прохожие спешили, а вдали загорались огни домов.

Только когда загораются огни домов, понимаешь, насколько глубока тоска в уголках города.

За три года время превратило его тоску в крошечную иглу, спрятанную в глубине сердца, но в этот момент она вдруг проросла, разрослась и готова была вырваться наружу.

Если это сон, он бы хотел никогда не просыпаться. Он готов отдать все, даже если это приведет его к гибели, даже если ему придется превратиться в зомби и съесть все чайные яйца слепой старушки.

Цинь Сун поднял правую ногу, но левая уже нетерпеливо рвалась вперед. В итоге он, вероятно, прыгал, как зомби, к ларьку с чайными яйцами. Его голос был хриплым, когда он тихо позвал:

— Бабушка.

Слепая старушка чуть повернула ухо и точно посмотрела в его сторону:

— Эй, а почему ты не пошел с другом?

— Вы сказали, что давно его не видели, — Цинь Сун произнес каждое слово с почти религиозной серьезностью. — Он... он... Вы его знаете?

— Как же не знать? Вы всегда приходили вместе за чайными яйцами, а потом ты стал приходить один, — старушка немного удивилась, затем подняла голову и задумалась. — Его голос, кажется, изменился, но я смотрю сердцем, и я не ошибаюсь. Это тот самый парень, который написал мне песню.

Цинь Сун, только что оживший, едва не упал в обморок от этих слов. Что произошло дальше, он не помнил. Очнувшись, он с удивлением обнаружил, что уже стоит у подъезда своего дома. Когда он, как во сне, вышел из машины и сделал несколько шагов, к нему подбежал охранник в форме:

— Господин Цинь, господин Цинь, вы не можете оставлять машину здесь.

Он, как лунатик, обернулся и увидел, что его машина стоит — прямо посреди въезда в жилой комплекс, шлагбаум поднят высоко вверх, как большой восклицательный знак.

Над его головой пролетела черная птица, хлопая крыльями.

Бай Цзиньинь вернулся домой, где его встретил большой котел с напитком из груши и сахара. Под внимательным взглядом Бай Жулянь он выпил его до дна. Неизвестно, защитит ли это его голос, но мочевого пузырь отреагировал первым — в течение часа он пять раз сходил в туалет.

Он с трудом несколько раз повторил ход соревнований, прежде чем Бай Жулянь ушла, довольная, и, сияя, сказала, что будет шить новую одежду, чтобы он произвел фурор в финале.

Когда шаги наконец затихли, Бай Цзиньинь вздохнул с облегчением и отправил мысленный приказ. В окне мелькнула тень дерева, и Хэй-хэй, понуро, влетел внутрь.

Ранее в комнате отдыха Хэй-хэй услышал весь разговор между Цинь Суном и Му Лу, слово в слово.

<http://bllate.org/book/16788/1543983>